

Дарья Яскеляйнен

Изоляция

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Я81

Яскеляйнен Д.

Изоляция / Яскеляйнен Д. — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2021. — 166 с.

ISBN 978-5-532-95649-0

Певица из Италии, медсестра из Финляндии и девушка-милитаристка из России связаны странной цепочкой событий. Оказавшись в условиях пандемии, они наблюдают, как меняется привычный мир: нарушается гармония в семье, нет возможности поддержать заболевшего в другой стране ребёнка, приходится бороться за жизни любимых. Никто не знает, что будет завтра, и в то же время каждый день проходит однообразно, словно заколдованный. Чтобы пережить изоляцию и пандемию, девушкам придётся трансформироваться, сделать нелёгкий выбор, потерять и обрести близких людей. Удастся ли им найти верный путь? И есть ли в целом у человечества шанс услышать тревожный сигнал планеты и выйти из эпидемии обновлённым?

ISBN 978-5-532-95649-0

© Яскеляйнен Д., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Ночной звонок	4
Ультиматум	7
Итальянский пациент	11
Письма	14
Разлука	15
Экодача	23
Лесной оккупант	36
Письма	45
Пандемия	46
Беглецы	62
Бабкин дом	77
Письма	87
Карантинные будни	91
Звери	102
Сомнения	111
Письма	119
Болезнь	120
Месть	132
Сложный выбор	145
Письма	153
Концерт	155
Новая жизнь	157
Предложение	158
Эпилог	160
От автора	164
Приложения	165

Ночной звонок

Июнь 2020. Гарда, Италия

Приближалась полночь.

Чиара уже готовилась ко сну, осталось лишь нанести крем на руки, и она присоединится к мужу в уютной постели.

Неожиданно звонок телефона нарушил спокойствие.

– Pronto¹? – рассеянно произнесла она в трубку.

– Чиара Манчини? Могу я говорить на английском?

– Слушаю, – перешла на чужой язык, внутренне напрягаясь от плохого предчувствия.

– Ваш ребёнок, Роберто Манчини, в приёмном покое госпиталя города Котка. Травма головы, потеря сознания. Врач с вами свяжется, до свидания.

Связь оборвалась.

Девушка ещё несколько секунд слушала короткие гудки в трубке. Новость не укладывалась в голове, мозг отказывался осознавать смысл. Она стала лихорадочно перезванивать, нервно тыкая в экран смартфона. Тишина в ответ.

Чиара похолодела и глубоко задышала, стараясь унять волну липкого страха, поднимающуюся к горлу. Из-за повышенной активности Роби не в первый раз в больнице, и обычно виной тому спорт. В свои 16 лет он уже ломал пальцы, получал травмы. Но голова... Потеря сознания... Почему он не в Хельсинки? Что это за город такой – Котка? Девушка испугалась, как может только мать.

Она набрала стакан ледяной воды и выпила залпом. С тяжёлым сердцем поднялась по лестнице в спальню. Замерла на пороге, глядя на мужа. Вдохнула. Тот уже лежал на их красивой огромной кованной кровати с изогнутой спинкой. Чиара только что поменяла простыни, и в комнате витал приятный запах лавандового смягчителя тканей. Мужчина обнимал свернувшегося клубочком

¹ Pronto (*um.*) – «алло».

малыша, доверчиво вложившего кулачок в папину ладонь. Любимые! У девушки защемило сердце от нежности.

– Джорджио!

– Да, милая. Что с тобой? – муж приподнялся на локте и пристально посмотрел на взволнованную Чиару. Хрупкая, бледная, вся дрожит. Такая прозрачная, что почти не отражается в огромном зеркале шкафа на всю стену.

– Роби в больнице. Мне страшно.

– Тише, Amore². Разбудишь Цезаре. Иди ко мне, я обниму тебя. Расскажи, что случилось? Это инфекция?

– Нет, травма. Я ничего не знаю, только то, что он ударился головой и без сознания. Они сказали ждать звонка от доктора, – Чиара привычно прижалась к мужу и сразу почувствовала себя увереннее.

– Ложись, дорогая, тебе нужно отдохнуть. Скоро позвонит врач, и всё станет ясно, – Джорджио умел сохранять спокойствие в трудной ситуации.

– Я знала, что не нужно его отпускать. Мальчик ещё слишком юн, чтобы жить одному! Но Роби так хотел учиться, мы же всё продумали заранее! Я должна ехать, я ему нужна!

– Дорогая, обещаю, что после звонка доктора сделаю всё возможное, чтобы мы могли поехать к сыну. Я покараулю телефон, а ты наберись сил. Постарайся уснуть, завтра малыш не даст тебе ни минуты отдыха.

– Ты прав. Знаешь, что я сделаю? Положу телефон на подушку.

– Всё будет хорошо. Я всегда с тобой, – Джорджио крепче обнял жену.

Конечно, муж уснёт, и она не разбудит его. Будет лежать не сомкнув глаз и думать о своём таком большом, но таком маленьком старшем сыне.

Самолёты не летают. Машины не ездят. Карантин. Это слово крутилось у неё в голове не переставая.

«О пандемия, что же ты с нами делаешь? Сколько человек сейчас не могут оказаться рядом с любимыми, которым так нужна

² Amore (ит.) – «любовь», также ласковое обращение к любимым.

поддержка? Папы начинают справляться с паникой, раздражением, агрессией на всех и вся. Папы говорят – да это всё ерунда, наверняка ничего серьёзного. А мамы... Мамы холодеют. Как лёд. Собирают всю волю, всю женскую силу и остаются спокойными. ВЕРЯТ, что с их ребёнком всё будет хорошо. Не слушают никого, аккумулируют всю энергию и отправляют её своему ребёнку. Мысленно обволакивают своё дитя в непробиваемый защитный кокон материнской любви.

Мамы механически выполняют свои функции и присутствуют лишь физически. Ментально – они рядом с ребёнком, отдают ему всё. Делают сто быстрых вдохов и выдохов, а потом со спокойной улыбкой звонят больному сыну или дочери и ровным голосом обещают, что скоро всё наладится. Мамы не спят несколько суток, потому что невозможно уснуть в мире, где больно твоему ребёнку.

И только потом, когда опасность минует, мамы расползаются, как выжатая тряпка. Они, наконец, могут отпустить на свободу заблокированную боль. Могут поплакать, а иногда и повыть в подушку, чтобы никто не слышал. Могут взорвать эту бомбу страха, которая тикает в груди с момента звонка из больницы... или немногим до... ведь интуиция заранее завела механизм. Мамы могут вздохнуть спокойно и приготовиться снова защищать, оберегать, любить своих детей».

Чиара не заметила, как уснула.

Ультиматум

Июнь 2020. Псковская область, Россия

Ясна подстригала волосы. Носить короткую стрижку она начала три месяца назад, как только они переехали за город. Раз уж Руслан так хочет видеть её в стиле милитари, она ему покажет.

В просторной спальне мебели почти не было, лишь спартанская супружеская кровать с жёстким матрасом да самодельная прикроватная тумбочка для книг – без них Ясна не могла уснуть. Со стороны мужа у изголовья стоял стул – на нём Руслан оставлял идеально сложенную на ночь одежду. Туалетный столик он посчитал излишней роскошью, что больно задело девушку. Но настаивать она не смогла. Ванной в их скромном лесном доме не было – узкая душевая кабинка и унитаз. Ну хорошо, что хоть это есть, соседи в уличный деревянный туалет бегают и моются раз в неделю в банный день. Комнату сына она не трогала – он мог появиться в любой момент. Девушка повесила зеркало на террасе – её любимом месте в доме. Зимой здесь холодно, конечно, хоть терраса и застеклённая, зато летом можно жить. Круглый стол, уютный диванчик, полки с книгами. Ясна часто спала здесь знойными июньскими вечерами, оставив окна открытыми. Жаркое выдалось лето. А ещё здесь она читала, сушила первые сборы трав, наполнявшие помещение пряными ароматами, и вот – подстригала волосы. Жаль их – такие роскошные, иссиня-чёрные. Она уже приноровилась делать стрижку самостоятельно. Даже руки не затекали в неудобном положении. Зато выглядит моложе, совсем девчонкой, несмотря на свои 35. Или, скорее, юношей. Ясне казалось, что вместе с волосами она потеряла свою женственность, словно обнулилась.

Девушка выполняла распоряжения мужа безукоризненно. Они жили какой-то сюрреалистической жизнью. Время расписано по минутам: подъём, отбой, тренировки, голодание, обучение, сборы по ориентированию, домашние заботы, живность, огород. К такому

Ясна не привыкла. Молодая женщина знала точно одно – послушаться мужа она не могла. Потому что он всё предвидел наперёд.

Она уже привыкла называться кодовыми именами, умела жить на подножном корме, могла безошибочно ориентироваться в темноте, знала многое о траволечении и физически не уступала большинству мужчин в поселении. При этом девушка ежедневно повторяла языки, поддерживая свои навыки полиглота. Руслан часто отсутствовал дома: отправлялся на охоту, исследование местности и ещё Бог знает куда. А когда появлялся – не забывал проверить выполнение заданий. Как и у Ясны, у других людей её муж вызывал трепет, желание повиноваться и держаться подальше. Он обладал нестигаемой волей и часто оказывал давление даже на близких.

Закончив с причёской, Ясна вышла к мужу во двор. Интересно, заметит ли разницу? Когда она увидела, чем он занимается, её прекрасное настроение резко изменилось.

– Опять чистишь это ружьё, скоро будет дыра вместо дула! – Ясна упёрлась руками в бока, как она всегда делала, повышая голос на мужа.

– А ты снова пропустила тренировку? – парировал Руслан, даже не взглянув на неё.

Зелёные глаза Ясны вызывающе сверкнули, ноздри раздувались.

– Ты обещал, что это долго не продлится! Что мы будем в безопасности! – продолжала она.

– Что ты хочешь, женщина? От меня мало что зависит. Я делаю всё, что могу, и тебе советую. Прекрати истерику и займись чем-нибудь полезным. Например, тренировкой, – Руслан невозмутимо продолжал чистить оружие.

– Прекрати муштровать меня, ты со своей суперорганизацией уже навёл порядки, так что теперь наш сын неизвестно где! Мы не на войне!

– А вот здесь я бы поспорил. Причёска тебе идёт, – муж впервые поднял на неё глаза.

Это было уже слишком.

Ясна круто развернулась и возвратилась в дом, хлопнув дверью. Ох уж эти бабкины гены, ей никогда не научиться совладать с собственным гневом!

Сын не раз говорил ей, что отец использует какие-то секретные техники влияния, сродни психологическому программированию. На этой почве в семье часто возникали конфликты. Со всей неистовостью подросткового максимализма Алекс отвергал диктатуру отца и обвинял мать в бесхребетности и отсутствии здравого смысла. Мальчик искренне верил, что родители слегка не в себе и ведут безумный образ жизни.

Ясна любила и уважала мужа. И даже она иногда считала, что он переигрывает. Никаких предпосылок реальной угрозы она не видела, так что вера её колебалась. Но девушка была чётко уверена – авторитет отца нужно поддерживать, а потому не поддавалась на провокации сына.

Она ясно помнила день, когда он сбежал. В начале февраля они приехали из города в поселение на выходные, как делали всегда в последние два года. Начиналась метель. Ясна готовила ужин. Руслан вернулся и застал сына возле печки, занятого игрой на гитаре. Доски от старого забора, которые Алекс должен был сложить под брезентовый навес и укрыть от непогоды, остались нетронутыми снаружи. Грозное серое небо обещало в скором времени засыпать мир снегом. Выражение лица Руслана тоже не предвещало ничего хорошего.

– Сашка! – строго начал он. – Почему не навёл порядок во дворе?

– Ща доиграааю и уберу, – протянул мальчик.

– Ща я изыму твою гитару и выброшу на снег. Мокнуть и гнить, – Руслан бесцеремонно выхватил инструмент из рук сына. – Хотя нет, гитару я сохраняю. А на улицу отправлю тебя. Пока не закончишь – в дом не зайдёшь! Марш работать! После выполнишь 200 отжиманий!

На скалах Алекса заиграли желваки. Парень резко вскочил, пнул полено, подвернувшееся под ноги, натянул пуховик и выскочил на холод. Руслан с гитарой в руках подошёл ближе к огню и стал, не отрываясь, смотреть на пламя. И Ясна, безмолвно наблюдавшая сцену, не видела, как он бережно погладил инструмент и глубоко вздохнул.

После того как буря закончилась, доски были аккуратно сложены и 200 отжиманий выполнены, отец отвёл сына во двор и долго о чём-то с ним беседовал. За разговором они вычистили территорию от снега. Ужинать сын отказался, сославшись на больно́й живот. Утром его уже не было. Вместе с ним пропали комплект ключей от всех дачных построек, несколько банок с провизией из кладовой, запасная тёплая одежда, одеяло и вся наличка из кошельков родителей.

Мать решила, что Алекс отправился в город. Но когда они вернулись в Питер, дома мальчика не оказалось.